

2. Чеченцы и ингуши: между ссылкой и репатриацией

Незадолго до смерти Сталина, в феврале 1953 г., инспектора ЦК КПСС И.П. Ганенко и И.И. Алаторцев посетили спецпоселения в Казахстане и Узбекистане. Итогом поездки стала служебная записка о положении дел в районах ссылки¹. Документ, как говорится, попал в струю. Бюро Президиума ЦК КПСС поручило специальной комиссии

¹ Текст этого документа, пишут составители сборника «Реабилитация: как это было», обнаружить не удалось. (Реабилитация: как это было. С. 384).

(М.А. Суслов, П.Н. Поспелов, К.П. Горшенин, А.Н. Шелепин, А.Ф. Горкин) рассмотреть записку Ганенко и Алаторцева. Пик бюрократической работы пришелся на март 1953 г. В апреле результаты рассмотрения были доложены Г.М. Маленкову. Если судить по заключению комиссии, то докладная записка инспекторов ЦК представляла собой обычную инвективу нерадивым бюрократам: «Многие местные партийные и советские органы допускают пренебрежительное отношение к работе среди спецпоселенцев, проходят мимо многочисленных фактов произвола в отношении этой части населения, ущемления законных прав спецпоселенцев, огульного политического недоверия к ним, что искусственно порождает настроения недовольства среди спецпоселенцев»¹.

По большому счету ничего нового в выводах партийных чиновников не было. На невнимание местных властей к проблемам спецпоселенцев, как мы помним, постоянно жаловалось и Министерство внутренних дел. Инспектора ЦК КПСС не в первый раз привели известные факты, доказывавшие нежизнеспособность сталинской аракчеевщины, но рассмотрели их в контексте административно-бюрократическом, а не политическом. Собственно политических оценок и выводов от них и не ждали. Это было, как говорится, не их ума дело! Однако не исключено, что какие-то изменения в положении отдельных категорий спецпоселенцев планировались уже в последние месяцы жизни Сталина. Иначе, зачем было посылать московских ревизоров! Ничего необычного в подобной «либерализации» в принципе не было. Прецеденты известны, например, послевоенные послабления «перевоспитанным» ссылкой кулакам. Маятниковые колебания репрессивной политики были явлением достаточно заурядным и вполне укладывались в рамки системы. Но смерть Сталина и бюрократическое предчувствие новых веяний поставили вполне банальную бумагу партийных чиновников в значимый политический контекст.

В записке комиссии ЦК КПСС Г.М. Маленкову о трудовом и политическом устройстве спецпоселенцев появились предложения,

¹ Реабилитация: как это было. С. 38.

несколько отличные от обычных: поручить «группе работников» изучить вопрос и представить ЦК предложения «о целесообразности дальнейшего сохранения во всей полноте» правовых ограничений в отношении спецпоселенцев¹. Мотивировалось это тем, что с момента переселения «прошло около 10 лет». «Подавляющее большинство» осело на новом месте жительства, трудоустроено, добросовестно трудится. Между тем остается неизменным первоначально установленный строгий режим в отношении передвижения спецпоселенцев в местах поселения. Например, отлучка спецпоселенца без соответствующего разрешения за пределы района, обслуживаемого спецкомендатурой (иногда ограничиваемая территорией нескольких улиц в городе и сельсовета в сельских районах), рассматривается как побег и влечет за собой ответственность в уголовном порядке. Полагаем, что в настоящее время уже нет необходимости сохранять эти серьезные ограничения»². Сохранять «серьезные ограничения», может быть, и не следовало. Их и вводить-то не надо было! Однако аргумент о «добросовестном труде» «подавляющего большинства» спецпереселенцев и выселенцев носил явно демагогический характер и, как мы писали в предыдущей главе, не соответствовал действительности, по крайней мере, в отношении чеченцев и ингушей.

Решение по представленной записке так и не было принято. В полицейских (МВД) и «политруковских» (аппарат ЦК КПСС) предложениях о будущей судьбе спецпоселенцев обнаружились достаточно очевидные противоречия. И Отдел административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС, и МВД СССР в июле 1953 г. предлагали значительно сократить количество спецпоселенцев. Однако, по оценке отдела, он «ставил вопрос значительно шире»³ - предлагал снять с учета спецпоселений дополнительно 560 710 человек, в том числе и чеченцев, ингушей, калмыков, крымских татар, курдов. МВД же считало необходимым «указанные категории лиц временно оставить на

¹ Реабилитация: как это было. С. 38.

² Там же.

³ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 612. Л. 27.

спецпоселении» с тем, чтобы к рассмотрению этого вопроса вернуться в 1954 г.¹

Свою позицию МВД объясняло заботой о постепенности освобождения из спецпоселения, дабы «не нарушить хозяйственную жизнь районов мест поселения, дать возможность соответствующим министерствам провести ряд мер по закреплению освобождаемых в местах поселений, а также не допустить массового прилива освобожденных к прежним местам жительства». При этом МВД прямо заявляло, что «эти контингенты в значительной своей части непрочно осели на новых местах и есть опасения, что в случае снятия с учета они будут возвращаться в места, откуда производилось их выселение»².

Свою точку зрения министерство продолжало отстаивать и в дальнейшем. В сентябре 1953 г. Круглов предлагал Маленкову оставить чеченцев и ингушей на поселении сроком еще на 5 лет, считая их освобождение из-под надзора преждевременным³. Вывод о «преждевременности» обосновывался тем, что среди вайнахов «наиболее остро проявляются враждебные настроения»⁴, а сами они относятся к числу наиболее опасных контингентов спецпоселенцев. Однако эти обвинения легко опровергались самим же МВД, которое назвало не соответствующими действительности многочисленные жалобы на чеченцев и ингушей, якобы терроризирующих местное население, занимающихся убийствами, грабежами, кражами и т. п.: на учете спецпоселения в 1954 г. состояло 506 043 человек, выселенных с Северного Кавказа, из них было осуждено и находилось в местах заключения только 5418 человек⁵.

Вообще говоря, заготовить аргументы, необходимые для принятия любого решения (от новой депортации до немедленного отправления домой в мягких вагонах) не составляло ровным счетом никакого труда для чиновников из канцелярии министра внутренних дел. Был бы партийный заказ на подобные обоснования. Судьба спецпоселенцев, в

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 612. Л. 11.

² Там же.

³ Там же. Л. 52.

⁴ Там же. Л. 54.

⁵ ГА РФ. Ф.Р-9479. Оп. 1. Д. 642. Л. 231.

конечном счете, не была напрямую связана с «хорошим» или «плохим» поведением. Речь шла о политической позиции нового руководства страны, усиленной к тому же новыми внешнеполитическими обстоятельствами. Как справедливо пишут Н.Ф. Бугай и А.М. Гонов, к этим решениям подталкивала «в определенной степени и складывавшаяся международная обстановка. 13 декабря 1953 г. калмыцкая делегация, возглавляемая Д. Бурхиновым, была принята в ООН, где она вручила Меморандум на имя генерального секретаря. В Меморандуме предлагалось, чтобы комиссия по защите прав человека при ООН добилась от советского правительства сведений относительно местонахождения и нынешнего состояния калмыков, чеченцев, крымских татар..., ставших жертвами массовых депортаций, и настояла на том, чтобы в соответствии с Уставом ООН, советское правительство освободило уцелевших при поголовной депортации»¹.

В 1953 г. на МВД Казахской ССР обрушилась волна жалоб и заявлений от ссыльных, высланных, ссыльнопоселенцев и спецпоселенцев. В подавляющем большинстве эти заявления носили вполне невинный характер - они касались выездов по личным и служебным делам. Особенно часто речь шла о воссоединении семей. Казахстанские полицейские расценили подобные аргументы как тактический прием своих «подопечных», стремящихся чуть комфортнее устроиться в ссылке. К числу действительных мотивов следует отнести, во-первых, стремление, особенно сильное и явное как раз у ингушей и чеченцев, собрать в одном месте всех родственников, близких и дальних, желание перебраться из сельской местности в города, из суровых северных районов Казахстана на юг республики, прежде всего в Алма-Ату или в Киргизию. Наказаний за обман, часто сопровождавший подобные просьбы (например, недостоверные сведения о тяжелых заболеваниях всех членов семьи), не предусматривалось. Поэтому спецпоселенцы не боялись, что их бесхитростная ложь всплывет на поверхность.

¹ Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998. С. 283.

Между тем активизация внутренней полулегальной миграции спецпоселенцев в 1953 г. фактически нанесла удар по основам сталинской ссылки, явочным порядком сняла часть «ограничений по спецпоселению». Вайнахи как наиболее решительные участники этого массового процесса вновь продемонстрировали свою удивительную цепкость, способность к солидарным действиям и неформальной координации усилий, основанные на специфических особенностях традиционных этнических сообществ. Они практически сразу воспользовались нерешительностью своих «опекунов», слегка оторопевших в ожидании новой «генеральной линии» и обескураженных крахом Бериин. О скором возвращении на Кавказ пока разговора не было, но от возможности улучшить свое положение в Казахстане и Киргизии чеченцы и ингуши, разумеется, отказываться не собирались.

В 1954 г. процесс, начавшийся после смерти Сталина, стал более динамичным и приобрел отчетливые формы. 5 июля 1954 г. Совет Министров СССР принял постановление № 1439–649с «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев»¹. 13 июля был отменен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны»¹. Лицам, состоящим на учете спецпоселения и занимающимся общественно полезным трудом, было разрешено проживать в пределах области, края, республики. При изменении постоянного места жительства спецпереселенцы обязаны были сняться с учета в спецкомендатуре, а по прибытии к новому месту жительства встать на учет в органах МВД. Они могли отправляться в служебные командировки в любой пункт страны на общих основаниях, сообщив об этом в соответствующую спецкомендатуру МВД. Это право не распространялось на спецпоселенцев, уклоняющихся от общественно полезного труда, нарушающих режим и общественный порядок в местах поселения. Спецпереселенцы должны были теперь являться на регистрацию в

¹ Реабилитация: как это было. С. 158-159.

органы МВД один раз в год по месту их фактического проживания. Административные меры наказания в виде штрафа до 100 рублей или ареста до 5 суток, применяемые к спецпоселенцам за нарушение режима в местах поселений, были отменены. За самовольный выезд (побег) с места обязательного поселения спецпоселенцы привлекались к уголовной ответственности по ст. 82 ч. 1 УК РСФСР или соответствующих статей УК других союзных республик. Были сняты с учета органов МВД дети спецпоселенцев всех категорий, родившихся после 31 декабря 1937 г., и впредь детей на учет спецпоселения велено было не брать. Детям старше 16 лет для поступления в учебные заведения было разрешено выезжать в любой пункт страны. После зачисления в учебные заведения их следовало снимать с учета спецпоселения по заключениям МВД–УМВД².

При подготовке этих решений московские власти пытались руководствоваться не только политической целесообразностью, но и учитывать возможные экономические и социальные последствия. В районах спецпоселений намечалось, в частности, «проведение больших мероприятий по освоению целинных и залежных земель». Поэтому представленная Маленкову и Хрущеву записка комиссии ЦК КПСС под председательством К. Е. Ворошилова о снятии ограничений в правовом положении спецпоселенцев (24 февраля 1954 г.) в принципе учитывала опасность «большого ухода рабочей силы из этих районов» в связи с новым политическим курсом³. Однако дальше опасливых предупреждений дело не пошло. А контроль над внутренней миграцией спецпоселенцев был потерян практически сразу после постановления Совета Министров СССР «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» от 5 июля 1954 г. и отмены Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы

¹ Реабилитация: как это было. С. 161.

² ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 1360. Л. 398-400.

³ Реабилитация: как это было. С. 95-96.

Советского Союза в период Отечественной войны»» (отменен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1954 г.)¹.

Полицейские чиновники сетовали: спецпоселенцы с Северного Кавказа «после объявления им нового правового положения стали вести себя более развязно, не реагируют на замечания работников спецкомендатур, не являются по вызову в спецкомендатуру, даже в том случае, когда они приглашаются для объявления им результатов по заявлению, а в отдельных случаях проявляют дерзкие поступки»². Миграция на юг Казахстана и в крупные города республики усилилась. Особенно привлекала Алма-Ата. Чеченцы и ингуши, которым удавалось здесь поселиться, прилагали все силы для того, чтобы перетянуть в этот благополучный город не только своих близких и дальних родственников, но даже односельчан и знакомых. Каждый обосновавшийся здесь вайнах стремился вытащить в более комфортные места своих родственников, знакомых и односельчан. Показательно, что либерализация режима не только сопровождалась «концентрацией по родам (тейпам)», но и возобновлением вражды между родами и даже массовыми беспорядками «на почве кровной мести». В 1953 г. подобные беспорядки имели место в городе Ленгере и поселке Майканы Павлодарской области. Складывалось впечатление, что ослабление полицейского гнета способствовало возвращению устойчивого к внешним воздействиям этноса в привычную родовую архаику³.

Перемещения спецпоселенцев производились «по маршрутным листам с разрешения органов МВД». Предполагалось, что мигрант должен прежде на законном основании уволиться с предприятия или выйти из колхоза. Другими словами, без разрешения местного начальства (директора завода, председателя колхоза и т.п.) уезжать в другие районы ссылки запрещалось. Но спецпоселенцы часто попросту игнорировали подобные запреты - уезжали самовольно, в том числе и за пределы республики. Никакого наказания за подобные нарушения не предусматривалось, и считать их побегом, как в жестокие сталинские

¹ См.: Реабилитация: как это было. С.158, 161.

² См.: ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 842. Л. 41–56.

³ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 842. Л. 35–36.

времена, было уже нельзя. Вайнахи же еще и использовали свою репутацию «неисправимых» и умело играли на желании хозяйственных руководителей избавиться от головной боли: «подавляющее большинство чеченцев и ингушей к работе относятся плохо, поэтому нет смысла удерживать их в колхозах и на предприятиях»¹. В Казахстане пропорция между «легальными» и «нелегальными» мигрантами была 50 на 50².

Органы МВД, терявшие контроль над ситуацией, жаловались: чеченцев и ингушей на местах их расселения очень легко отпускают и выдают необходимые документы. Выход из положения многие полицейские чиновники видели в привычном «закручивании гаек». В ноябре 1954 г. ответственные работники МВД СССР просили Круглова войти в ЦК КПСС с предложением ограничить право свободного передвижения спецпереселенцев в Казахской ССР хотя бы пределами области, в которой они проживают³. Однако это и ему подобные предложения чем дальше, тем больше противоречили новой либеральной политике Хрущева и поддержки не получали.

Ободренные первыми успехами, чеченцы и ингуши в 1954 г. начали всерьез задумываться о возвращении на родину. Особых надежд на репатриацию по команде из Москвы пока не было. Зато обходные пути для достижения заветной цели уже появились. Возникшие в системе контроля прорехи немедленно были замечены спецпоселенцами. Агентура МВД Казахстана сообщала, что «отдельные спецпоселенцы высказывают намерение использовать предоставленное право свободного передвижения в пределах республики для выезда к прежним местам жительства и, в частности, на Кавказ»¹. В вайнахском сообществе обсуждались и вырабатывались различные варианты использования новых возможностей как легальные (например, завалить правительство жалобами и просьбами, что и было впоследствии блестяще организовано закулисными чеченскими авторитетами), так и нелегальные. «Регистрация спецпоселенцев будет проводиться один раз

¹ См.: ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 842. Л. 41–56.

² ГА РФ. Ф. 9479. Оп.1. Д. 903. Л. 12.

³ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 842. Л. 314.

в год, - говорили между собой чеченцы, - поэтому можно будет поехать на Кавказ, где пожить несколько месяцев, а ко времени регистрации возвратиться к месту поселения, после чего выехать обратно. Таким образом, можно жить на Кавказе пока нас всех не освободят из спецпоселения. Теперь под предлогом выезда в пределах Казахстана мы можем побывать в Москве и на Кавказе, и об этом никто не узнает»². В ноябре 1954 года появились первые сообщения о том, некоторые спецпоселенцы, «под предлогом временного выезда в одну из областей Казахской ССР, возвращаются к прежним местам жительства, откуда они выселены»³.

Вайнахи прекрасно чувствовали органические слабости советской бюрократической системы, ее изначальную неспособность обеспечить эффективный тотальный контроль за спецконтингентами. Всех нарушителей режима даже при Сталине никто не мог ни за руку поймать, ни наказать. Теперь тем более. Если одновременно нарушать режим, то всех чеченцев за это в тюрьму не посадят, уж это-то точно⁴. Почувствовав растерянность местных органов МВД и комендантов, очевидное ослабление станового хребта сталинской диктатуры - жестокой репрессивно-карательной практики, чеченцы и ингуши уже в 1953–1954 гг. эффективно использовали освобожденное «опекунами» бюрократическое пространство для тактического маневра.